

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей **В. Θ. Саводника.**

Выпускъ 5-ый.

„ГОРЕ ОТЪ УМА“ ГРИБОѢДОВА.

(„По поводу новаго изданія старой вещи“).

„Горе отъ Ума“ Грибоѣдова.

„По поводу новаго изданія старой вещи“ ¹⁾.

„Грибоѣдова комедія или драма—писалъ Бѣлинскій въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“—(я не совсѣмъ хорошо понимаю различіе между этими словами; значеніе же слова „трагедія“ совсѣмъ не понимаю) давно ходила въ рукописи. О Грибоѣдовѣ, какъ и о всѣхъ примѣчательныхъ людяхъ, было много толковъ и споровъ; ему завидовали нѣкоторые наши геніи, въ то же время удивлявшіеся „Ябедѣ“ Капниста; ему не хотѣли отдавать справедливости тѣ люди, которые удивлялись гг. АВ, СD, ЕF. Но публика разсудила иначе: еще до печати и представленія рукописная комедія Грибоѣдова разлилась по Россіи бурнымъ потокомъ.

„Комедія, по моему мнѣнію, есть такая же драма, какъ и то, что обыкновенно называется трагедіею; ея предметъ есть представленіе жизни въ противорѣчій съ идеей жизни; ея элементъ есть не то невинное остроуміе, которое добродушно издѣвается надъ всѣмъ изъ одного желанія позубоскалить: нѣтъ, ея элементъ есть этотъ жолчный гуморъ, это грозное негодованіе, которое не улыбается шутливо, а хохочетъ яростно, которое преслѣдуетъ ничтожество и эгоизмъ не эпиграммами, а сарказмами.

„Комедія Грибоѣдова есть истинная *Divina comedia*. Это совсѣмъ не смѣшной анекдотецъ, переложенный на разговоры, не

¹⁾ „Время“, 1862 г., № 8. Эта статья Григорьева вызвана, повидимому, выходомъ въ свѣтъ пзвѣстнаго Тибленовскаго изданія комедіи „Горе отъ Ума“, съ рисунками художника Вашилова. Не принадлежа къ числу лучшихъ статей нашего критика, она интересна тѣмъ освѣщеніемъ, которое авторъ придаетъ личности Чацкаго и которое въ нѣкоторомъ отношеніи предвосхищаетъ толкованіе его значенія, данное впоследствии Гончаровымъ.

такая комедія, гдѣ дѣйствующія лица нарицаются Добряковыми, Плутоватыными, Обдираловыми и проч.; ея персонажи давно были вамъ извѣстны въ натурѣ, вы видѣли, знали ихъ еще до прочтенія „Горя отъ ума“—и однакожь вы удивляетесь имъ, какъ явленіямъ совершенно новымъ для васъ: вотъ высочайшая истина поэтического вымысла! Люди, созданные Грибоѣдовымъ, сняты съ природы во весь ростъ, почерпнуты со дна дѣйствительной жизни; у нихъ не написано на лбахъ ихъ добродѣтелей и пороковъ, но они заклеены печатью своего ничтожества, заклеены мстительною рукою палача-художника. Каждый стихъ Грибоѣдова есть сарказмъ, вырвавшійся изъ души художника въ пылу негодованія; его слогъ есть *par excellence* разговорный. Недавно одинъ изъ нашихъ примѣчательнѣйшихъ писателей, слишкомъ хорошо знающій общество, замѣтилъ, что только одинъ Грибоѣдовъ умѣлъ переложить на стихи разговоръ нашего общества; безъ всякаго сомнѣнія это не стоило ему ни малѣйшаго труда, и тѣмъ не менѣе это все-таки великая заслуга съ его стороны, ибо разговорный языкъ нашихъ комиковъ... Но я уже общался не говорить о нашихъ комикахъ... Конечно, это произведеніе не безъ недостатковъ въ отношеніе къ своей цѣлости, но оно было первымъ опытомъ таланта Грибоѣдова, первою русскою комедіею; да и сверхъ того, каковы бы ни были эти недостатки, они не помѣшаютъ ему быть образцовымъ, гениальнымъ произведеніемъ и не въ русской литературѣ, которая въ Грибоѣдовѣ лишилась Шекспира комедіи“.

Замѣчательна въ этой юношеской страницѣ удивительная вѣрность основъ взгляда. Впослѣдствіи великій критикъ, поддавшисъ новымъ и сильнымъ увлеченіямъ, измѣнилъ во многомъ этому взгляду, уступивши невольно и безсознательно различнымъ воплямъ, до того могущественнымъ, что и доселѣ еще вопросъ о комедіи Грибоѣдова ими запутанъ. Но въ сущности этотъ вопросъ распутывается весьма просто. Комедія Грибоѣдова есть единственное произведеніе, представляющее художественно сферу нашего такъ-называемаго свѣтскаго быта ¹⁾ а съ другой стороны—Чапкій

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что статья Григорьева написана еще до появленія „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“ Толстого и въ значительной степени направлена противъ тѣхъ „великосвѣтскихъ“ романовъ и повѣстей, которые, съ легкой руки нашихъ беллетристовъ 30-хъ годовъ, расплодился въ

Грибоѣдова есть единственное истинно-героическое лицо нашей литературы. Постараюсь пояснить два этихъ положенія, противъ каждаго изъ которыхъ до сихъ поръ еще найдется много возраженій, и притомъ возраженій весьма авторитетныхъ.

Какъ я сказалъ уже, Бѣлинскій въ послѣдствіи измѣнилъ свой первоначальный взглядъ, подѣ влияніемъ увлеченія своего первоначальными формами гегелизма. Въ статьѣ своей о „Горѣ отъ ума“, писанной въ эту эпоху, въ статьѣ, въ которой собственно о комедіи Грибоѣдова говорится мало, но зато много и великолѣпно-хорошо говорится о „Ревизорѣ“ Гоголя, великій критикъ видимо охладѣлъ къ „Горю отъ ума“, ибо охладѣлъ къ личности героя Грибоѣдовской драмы. Причина перемѣны взгляда заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ этомъ. Таковъ былъ фазисъ развитія его и нашего критическаго сознанія. То была эпоха, когда Рудины, въ упоеніи отъ всепримиряющаго начала: „что дѣйствительно, то и разумно“, считали Чацкихъ и Бельтовыхъ „фразами и либералами“.

Но кромѣ Бѣлинскаго есть еще авторитетъ, и столь же великій—Пушкинъ. По его мнѣнію, Чацкій совѣтъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ... Насколько это справедливо или несправедливо, постараюсь разяснить потомъ. Теперь же обращаюсь къ разясненію перваго изъ моихъ положеній, т.-е. что комедія Грибоѣдова есть единственное произведеніе, представляющее сферу нашего такъ-называемаго свѣтскаго быта.

Всякій разъ когда великое дарованіе, носитъ ли оно имя Гоголя или имя Островскаго, откроетъ новую руду общественной жизни и начнетъ увѣковѣчивать ея типъ,—всякій разъ въ читающей публикѣ, а иногда даже и въ критикѣ (къ большому впрочемъ стыду сей послѣдней) слышатся возгласы о низменности избранной поэтомъ среды жизни, объ односторонности направленія и т. п.; всякій разъ высказываются наивнѣйшія ожиданія, что вотъ-вотъ

русской литературѣ, вызывая еще у Лермонтова недоумѣнные вопросы по адресу ихъ авторовъ:

Гдѣ разговоры эти слышутъ?

Съ кого портреты эти пишутъ?...

Фальшивое и часто подбострастное изображеніе великосвѣтской жизни и типовъ вызывало къ себѣ рѣзко отрицательное отношеніе у Григорьева, выше всего цѣнившаго правду и искренность—какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни.

Примѣч. В. С.

явится писатель, который представитъ намъ типы и отношенія изъ *высшихъ* слоевъ жизни.

Ни мѣщанская часть публики, ни мѣщанское направленіе критики, въ которыхъ слышатся подобные возгласы и которыя живутъ подобными ожиданіями, не подозрѣваютъ въ наивности своей, что если только какой-либо слой общественной жизни выдается своими типами, если отношенія, его отличающія, стоятъ на одномъ изъ первыхъ плановъ въ движущейся картинѣ жизни народнаго организма, то искусство неминуемо отразитъ и увѣковѣчитъ его типы, анализируетъ и осмыслитъ его отношенія. Великая истина шеллингизма, что „гдѣ жизнь, тамъ и поэзія“, истина, — которую проповѣдывалъ нѣкогда такъ блистательно Надеждинъ, какъ-то не дается до сихъ поръ въ руки ни нашей публикѣ, ни нѣкоторымъ направленіямъ нашей критики. Эта истина или вовсе непонята, или понята очень поверхностно. Не все то есть жизнь, что называется жизнью, какъ не все то золото, что блеститъ. У поэзиі вообще есть великое, только ей данное чутье на различеніе жизни настоящей отъ миражей жизни: явленія первой она увѣковѣчиваетъ, ибо они суть типическія, имѣютъ корни и вѣтви; къ миражамъ она относится и можетъ относиться только комически, да и комическаго отношенія удостоиваетъ она ихъ только тогда, когда они соприкасаются съ жизнью дѣйствительною. Какъ можетъ художество, имѣющее вѣчною задачею своею правду, и одну только правду, создавать образы, не имѣющіе существеннаго содержанія, анализировать такого рода исключительныя отношенія, которыхъ исключительность есть нѣчто произвольное, условное, натянутое?.. Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій или какой-нибудь Китъ Китычъ Брусковъ суть лица, имѣющія свое собственное, имъ только свойственное, типическое существованіе; но какой-нибудь Чельскій въ романѣ „Племянница“, какой-нибудь Сафьевъ въ повѣсти „Большой свѣтъ“ взяты напрокатъ изъ другой, французской или англійской жизни ¹⁾. Пусть они въ такъ-называемой великосвѣтской жизни и встрѣчаются, да художеству-то нѣтъ до нихъ никакого дѣла, ибо художество не возсоздаетъ миражей или повтореній; а въ самомъ повтореніи, если таковое попадаетъ въ жизни, ищеть чертъ существенныхъ, самостоятельныхъ. Такъ, напримѣръ, если бы неминуемо пришлось искусству настоящему

¹⁾ „Племянница“ — романъ Евгеніи Туръ (графини Саліасъ де Турнемиръ), „Большой свѣтъ“ — повѣсть графа Соллогуба.

имѣть дѣло съ однимъ изъ упомянутыхъ мною героевъ, оно отыскало бы въ нихъ ту тонкую черту, которая отдѣляетъ эти копіи отъ французскихъ или англійскихъ оригиналовъ (какъ Гоголь отыскалъ тонкую черту, отдѣляющую художника Пискарева отъ художниковъ другихъ странъ, его жизнь отъ ихъ жизни) и на этой чертѣ основало бы свое созданіе: естественно, что воспроизведеніе вышло бы комическое, да инымъ оно и быть не можетъ, инымъ ему и незачѣмъ быть.

Художество есть дѣло серьезное, дѣло народное. Какая ему нужда до того, что въ извѣстномъ господинѣ или въ извѣстной госпожѣ развились чрезъ мѣру утонченныя потребности? Если онѣ комичны предъ судомъ христіанскаго и человѣчески-народнаго созерцанія,—казни ихъ комизмомъ безъ всякаго милосердія, какъ казнить комизмомъ то, что стоитъ такой казни, Грибоѣдовъ, какъ казнить Гоголь Марью Александровну въ „Отрывкѣ“, какъ казнить Островскій Мерича, Писемскій—m-me Мамилову. Все, что само по себѣ глупо или безнравственно съ высшихъ точекъ самой жизни, тѣмъ болѣе глупо и безнравственно предъ искусствомъ, да и знаетъ очень хорошо въ этомъ случаѣ свои задачи искусство: все глупое и безнравственное рельефно выставится на первый планъ.

Не за предметъ, а за отношеніе къ предмету долженъ быть хвалимъ или порицаемъ художникъ. Предметъ почти-что не зависитъ даже отъ его выбора: вѣроятно графъ Толстой, напримѣръ, болѣе всѣхъ другихъ былъ бы способенъ изображать *великовѣстскую* сферу жизни и выполнять наивныя ожиданія многихъ страдающихъ тоскою по этимъ изображеніямъ, но высшія задачи таланта влекли его не къ этому дѣлу, а къ искреннѣйшему анализу души человѣческой.

Но прежде всего—что разумѣть подъ сферою большого свѣта? Принадлежать ли къ ней, напримѣръ, типы въ родѣ Фонвизинскихъ княгини Халдиной и Сорванцова? Принадлежитъ ли къ ней весь міръ, созданный безсмертною комедіей Грибоѣдова? Почему-жъ бы имъ кажется и не принадлежать? Павелъ Аванасьевичъ Фамусовъ,

англійскаго клуба

Старинный, вѣрный членъ до гроба

и находится въ извѣстномъ близкомъ отношеніи, можетъ быть, даже родственномъ, съ „княгиней Марьей Алексѣвной“; Репети-

ловъ, безъ сомнѣнія, большой баринъ; графиня Хрюмина и княгиня Тугоуховская, равно какъ и Фопвизинская княгиня Халдина—суть несомнѣнно лица, ведущія роды свои весьма издалека, а между тѣмъ подите, скажите-ка, что Фонвизинъ и Грибоѣдовъ изображали „большой свѣтъ“: въ отвѣтъ вы получите презрительно-величавую улыбку.

Съ другой стороны, почему какой-либо Печоринъ у Лермонтова или Сережа у графа Соллогуба—несомнѣнно люди большого свѣта? Отчего *несомнѣнно* же принадлежитъ къ сферѣ большого свѣта княгиня Лиговская, которая въ сущности есть та же Фонвизинская княгиня Халдина? Отчего *несомнѣнно* же принадлежать къ этой сферѣ всѣ скучныя лица скучныхъ романовъ г-жи Евгени Туръ? Явно, что не сфера родовыхъ преимуществъ, не сфера бюрократическихъ верхушекъ разумѣется въ жизни и въ литературѣ подъ сферою „большого свѣта“. Багровы, напримѣръ, никакъ уже не люди большого свѣта, да едвали бы и захотѣли принадлежать къ нему. Фамусовъ и его мѣръ—не тотъ мѣръ, въ которомъ сіяетъ графиня Воротынская, въ которомъ проваливается Леонинъ, безнаказанно кобенится Сафѣевъ и дѣйствуютъ въ такомъ же духѣ другіе герои графа Соллогуба или г-жи Евгени Туръ. „Да ужъ полно не воображаемый ли только этотъ мѣръ?—спрашиваете вы себя съ нѣкоторымъ изумленіемъ:—не одна ли мечта литературы,—мечта, основанная на двухъ, трехъ, много десяти домахъ въ той и другой столицѣ?“ Въ жизни вы встрѣчаете или мѣры, которыхъ существенные признаки сводятся къ чертамъ любимыхъ вами Багровыхъ, или съ дикими и въ сущности всегда одинаковыми понятіями Фамусовыхъ и Гоголевской Марьи Александровны.

А между тѣмъ въ мѣщанскихъ кругахъ общежитія и литературы (вотъ эти круги такъ ужъ несомнѣнно существуютъ) вы только и слышите что слова: „большой свѣтъ“ „comme il faut“, „высокій тонъ“.

Вы подходите къ явленіямъ, на которыя мѣщанство указываетъ, какъ на представителей того и другого и третьяго, и простымъ глазомъ видите или Багровыхъ, или мѣръ Фамусова; первыхъ вы уважаете за ихъ честность и прямоту, хотя можете и не дѣлать съ ними упорной ихъ закоренѣлости, къ послѣднимъ и не можете и не должны отнестись иначе, какъ отпесся къ нимъ великій комикъ. Тотъ или другой мѣръ хотятъ, правда, выдѣлать себя иногда на англійскій или французскій манеръ, но при великой

способности къ *выдѣлкѣ* въ русскомъ человѣкѣ совершенно недостаетъ *выдержки*. Какая-нибудь блистательная графиня Воробинская, того и гляди, кончитъ какъ Грибоѣдовская Софья Павлова или какъ Некрасовская княгиня; какой-нибудь князь Чельскій можетъ съ теченіемъ времени дойти до метеорскаго состоянія Любима Торцова, хоть до *легоныаго*. Это и бываетъ зачастую. Одни Багровы останутся всегда себѣ вѣрными, потому что въ нихъ есть крѣпкія, коренныя, хотя и узкія начала.

Вотъ почему леденящій, ироническій тоизъ слышенъ во всемъ томъ, въ чемъ Пушкинъ касался такъ-называемаго большого свѣта, отъ „Пиковой дамы“ до „Египетскихъ ночей“ и другихъ отрывковъ, и вотъ почему никакой ироніи у него не слышно въ изображеніяхъ старика Гринева и Кириллы Троекурова: иронія неприложима къ жизни, хотя бы жизнь и была груба до звѣрства. Иронія есть нѣчто неполное, состояніе духа несвободное, нѣсколько зависимое, слѣдствіе душевнаго раздвоенія, слѣдствіе такого состоянія души, въ которомъ и сознаешь ложь обстановки, и давить вмѣстѣ съ тѣмъ обстановка, какъ давить она Пушкинскаго Чарскаго. Едва ли бы нашъ великій учитель и окончилъ когда-нибудь эти многіе отрывки, оставшіеся намъ въ его сочиненіяхъ. Настоящій тонъ его свѣтлой души былъ не ироническій, а душевный и искренній.

Та же иронія, только ядовитѣе, злѣе—и въ Лермонтовѣ. Когда Печоринъ замѣчаетъ въ княгинѣ Лиговской наклонность къ двусмысленнымъ анекдотамъ,—передъ зрителемъ поднимается занавѣсъ, и за этой занавѣсью открывается давно знакомый міръ, міръ Фонвизинскій и Грибоѣдовскій. И поднимать эту занавѣсъ есть настоящее дѣло серьезной литературы. Ее поднимаетъ даже и графъ Соллогубъ, какъ писатель все-таки весьма даровитый, но поднимаетъ какъ-то невзначай, безъ убѣжденія, тотчасъ же опять и опуская ее, тотчасъ же опять вѣря и желая другихъ заставить вѣрить въ свою кукольную комедію. Въ его „Львѣ“, напримѣръ, есть страница, гдѣ онъ очень смѣло приступаетъ къ поднятію задней занавѣси, гдѣ онъ прямо говоритъ о томъ, что за выдѣланными, взятыми на-прокатъ формами большого свѣта кроются часто черты совершенно простыя, даже очень обыденныя,—и вся бѣда въ томъ, что только эти черты кажутся ему простыми и обыденными, тогда какъ выдѣланныя гораздо хуже. Возьмемъ самый крайній случай: положимъ, что подкладка (тщательно скрытая)

какого-нибудь свѣтскаго господина, усвоившаго себѣ и англійскій флегматизмъ, и французскую наглость, есть просто натура избалованнаго барченка, или положимъ, что одна изъ блестящихъ героинь графа Соллогуба, вродѣ графини Воротынской, вся сдѣланная, вся воздушная, наединѣ съ своей горничной выскажетъ тоже натуру обыкновенной и по-русски избалованной барыни,—настоящая натура героя или героини все-таки лучше (пожалуй хоть только въ художественномъ смыслѣ) ея или его дѣланной натуры ужъ потому только, что дѣланная натура есть всегда повторная.

Изъ всѣхъ нашихъ писателей, принимавшихся за сферу большого свѣта, одинъ только художникъ сумѣлъ удержаться на высотѣ созерцанія—Грибоѣдовъ. Его Чацкій былъ, есть и долго будетъ непонятенъ,—именно до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ окончательно въ нашей литературѣ несчастная болѣзнь, которую называлъ я однажды, и называлъ кажется справедливо, „болѣзнью моральнаго лакейства“. Болѣзнь эта выражалась въ различныхъ симптомахъ, но источникъ ея былъ всегда одинъ: преувеличеніе призрачныхъ явленій, обобщеніе частныхъ фактовъ. Отъ этой болѣзни былъ совершенно свободенъ Грибоѣдовъ, отъ этой болѣзни свободенъ Толстой, но—хотя это и странно сказать—отъ нея не былъ свободенъ Лермонтовъ.

Но этого никогда нельзя сказать объ отношеніи Пушкинскомъ. Въ воспитанномъ по-французски, забалованномъ барченкѣ было слишкомъ много инстинктивнаго сочувствія съ народною жизнью и народнымъ созерцаемъ. Онъ самъ умѣлъ въ Чарскомъ посмѣяться надъ своей великосвѣтскостью. Русское барство въ немъ жило какъ нѣчто существенное, великосвѣтскость находила на него только минутами.

Возвышенная натура Чацкаго, который ненавидитъ ложь, зло и тупоуміе, какъ человѣкъ вообще, а не какъ условный „порядочный человѣкъ“, и смѣло обличаетъ всякую ложь, хотя бы его и не слушали; менѣе сильная, но не менѣе честная личность героя „Юноши“, который при встрѣчѣ съ кружкомъ умныхъ и энергическихъ, хотя и не „порядочныхъ“, хоть даже и пьющихъ молодыхъ людей вдругъ сознаетъ всю свою мелочность предъ ними и въ нравственномъ и въ умственномъ развитіи—явленія, смѣю сказать, болѣе жизненные, т.-е. болѣе идеальныя, нежели натура господина, который изъ какого-то условнаго, натянутаго взгляда на жизнь и

отношенія едва подаетъ руку Максиму Максимовичу, хотя и дѣлилъ съ нимъ когда-то радость и горе. Будетъ ужь намъ подобныя явленія считать за живыя и пора отречься отъ дикаго мнѣнія, что Чацкій—Донъ-Кихоть. Пора намъ убѣдиться въ противномъ, т.-е. въ томъ, что наши львы и фешенебли взяты на-прокатъ и собственно не существуютъ, какъ львы и фешенебли; что собственная, тщательно ими скрываемая натура ихъ самихъ—п добрѣе и лучше той, которую берутъ они взаймы.

Самое представленіе о сферѣ „большого свѣта“ какъ о чемъ-то давящемъ, гнеущемъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельнымъ, родилось не въ жизни, а въ литературѣ, и литературою взято на-прокатъ изъ Франціи и Англии. Звонскіе, Гремпы и Лидины, являвшіеся въ повѣстяхъ Марлинскаго, конечно, очень смѣшны, но графы Слапачинскіе, гг. Бандаровскіе и иные, даже самые Печорины—съ тѣхъ поръ какъ Печоринъ появился во множествѣ экземпляровъ—смѣшны точно такъ же, если не больше. Серьезной литературѣ до нихъ еще меньше дѣла, чѣмъ до Звонскихъ, Гремпыныхъ и Лидиныхъ. Въ нихъ нельзя ничего принимать взаправду, а изображать ихъ такими, какими они *кажутся*, значить только угождать мѣщанской части публики, той самой, „ки э каню авекъ ле Чуфыринъ э ле Курмицынъ“, и вздыхаетъ о вечерахъ графини Воротынской.

Другое отношеніе возможно еще къ сферѣ большого свѣта и выразилось въ литературѣ: это желчное раздраженіе. Имъ проникнуты, напримѣръ, повѣсти г. Павлова, въ особенности его „Мильонъ“, но и это отношеніе есть точно также слѣдствіе преувеличенія и обличало недостатокъ сознанія собственнаго достоинства. Это крайность, которая того и гляди перейдетъ въ другую, противоположную; борьба съ призракoмъ, созданнымъ не жизнью, а Бальзакомъ, борьба и утомительная и безплодная, хожденіе на муху съ обухомъ. Въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ, оно ведетъ въ концѣ-концовъ, къ поклоненію тому, съ чѣмъ сначала враждовали, ибо и самая вражда-то,—вражда невысокаго полета, вражда мелочной, а въ настоящемъ случаѣ даже и смѣшной зависти, ибо предметъ зависти, не жпзненные, а фантастическія, призрачныя явленія. Рѣшительно можно сказать, что представленіе о большомъ свѣтѣ не есть нѣчто рожденное въ нашей литературѣ, а напротивъ—занятое ею, и притомъ занятое не у англичанъ, а у французoвъ.

Оно явилось не ранѣе тридцатыхъ годовъ, не ранѣе и не позднѣе Бальзака ¹⁾. Прежде общественные слои представлялись въ иномъ видѣ простому, ничѣмъ непомраченному взгляду нашихъ писателей. Фонвизинъ, человѣкъ высшаго общества, не видитъ ничего грандіознаго и поэтическаго—не говорю уже въ своей „совѣтницѣ“ или въ своемъ Иванушкѣ (къ бюрократіи и наша современная литература умѣла относиться комически), но въ своей книгѣ Халдиной и въ своемъ Сорванцовѣ—хотя и та и другая безъ сомнѣнія принадлежать къ числу *des gens comme il faut* ихъ времени. Сатирическая литература временъ Фонвизина (и до него) казнить невѣжество барства, но не видитъ никакого особаго *comme il faut*'наго міра, живущаго какъ *status in statu* по особеннымъ, ему свойственнымъ, имъ и другими признаваемымъ законамъ. Грибоѣдовъ казнить невѣжество и хамство, по казнить ихъ не во имя *comme il faut*'наго условнаго идеала, а во имя высшихъ законовъ христіанскаго и человѣчески-народнаго взгляда. Фигуру своего борца, своего Яфета, Чацкаго, онъ отгѣнилъ фигуру хама Репетилова, не говоря уже о хамѣ Фамусовѣ и хамѣ Молчалинѣ. Вся комедія есть комедія о хамствѣ, къ которому равнодушнаго или даже нѣсколько болѣе спокойнаго отношенія незаконно и требовать отъ такой возвышенной натуры, какова натура Чацкаго.

Вотъ я перехожу теперь ко второму своему положенію, — къ тому, что Чацкій до сихъ поръ единственное *героическое* лицо нашей литературы. Пушкинъ провозгласилъ его неумнымъ человѣкомъ, но вѣдь героизма-то онъ у него не отнял, да и не могъ отнять. Въ умѣ его, т.-е. практичности ума людей закалки Чацкаго онъ могъ разочароваться, но вѣдь не переставалъ же онъ никогда сочувствовать энергіи падшихъ борцовъ. „Богъ помочь вамъ, друзья мои!“ писалъ онъ къ нимъ, отыскивая ихъ сердцемъ всюду, даже въ мрачныхъ пропастяхъ земли.

Чацкій прежде всего — *честная* и *дѣятельная* натура, притомъ еще натура борца, т.-е. натура въ высшей степени страстная.

Говорятъ обыкновенно, что свѣтскій человѣкъ въ свѣтскомъ

1) Очень характерно для Григорьева, хотя и совершенно несправедливо, его отрицательное отношеніе къ Бальзаку, какъ типично-„свѣтскому“ литератору. Такое же непониманіе одного изъ величайшихъ французскихъ писателей обнаружилъ, какъ извѣстно, и Бѣлинскій, прописчески называвшій его постоянно „господиномъ *де-Бальзакомъ*“.

обществѣ, во-первыхъ, не позволить себѣ говорить того, что говорить Чацкій, а во-вторыхъ, не станетъ сражаться съ вѣтряными мельницами, проповѣдывать Фамусовымъ, Молчалинымъ и инымъ.

Да съ чего вы взяли, господа говорящіе такъ, что Чацкій—свѣтскій человѣкъ въ вашемъ смыслѣ, что Чацкій похожъ сколько-нибудь на разныхъ князей Чельскихъ, графовъ Слапачинскихъ, графовъ Воротынскихъ, которыхъ вы напустили впоследствии на литературу съ легкой руки французскихъ романистовъ? Онъ столько же непохожъ на нихъ, сколько непохожъ на Звонскихъ, Гремичныхъ и Лидиныхъ. Въ Чацкомъ только правдивая натура, которая никакой лжи не спуститъ—вотъ и все; и позволить онъ себѣ все, что позволить себѣ его правдивая натура. А что правдивыя натуры есть и были въ жизни, вотъ вамъ на лицо доказательства: старикъ Гриневъ, старикъ Багровъ, старикъ Дубровскийъ. Такую же натуру наследоваль, должно-быть, если не отъ отца, то отъ дѣда или прадѣда Александръ Андреевичъ Чацкій.

Другой вопросъ—сталъ ли бы Чацкій говорить съ людьми, которыхъ онъ презираетъ.

А вы забываете при этомъ вопросѣ, что Фамусовъ, на котораго изливаетъ онъ „всю желчь и всю досаду“, для него не просто такое-то или такое-то лицо, а живое воспоминаніе дѣтства, когда его возили „на поклонъ“ къ господину, который

согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей.

А вы забываете какая сладость есть для энергической души въ томъ, чтобы, по слову другого поэта,

Тревожить язвы старыхъ ранъ,
или
смутить веселье ихъ
И дерзко бросить имъ въ лицо желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Успокойтесь: Чацкій менѣе, чѣмъ вы сами, вѣрить въ пользу своей проповѣди, но въ немъ желчь накипѣла, въ немъ чувство правды оскорблено. А онъ еще кромѣ того влюбленъ...

Знаете ли вы, какъ любятъ такіе люди?

Не этою недостойною мужчины любовью, которая поглощаетъ все существованіе въ мысли о любимомъ предметѣ и приноситъ

въ жертву этой мысли все, даже идею нравственного совершенствования: Чацкій любитъ страстно, безумно и говоритъ правду Софьѣ, что—

Дышалъ я вами, жилъ, былъ занятъ непрерывно...

Но это значитъ только, что мысль о ней сливалась для него съ каждымъ благороднымъ помысломъ или дѣломъ чести и добра. Правду же говоритъ онъ, спрашивая ее о Молчалинѣ:

Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему мѣръ цѣлый
Казался прахъ и суета?

Но подъ эту правдою кроется мечта его о Софьѣ, какъ способной понять, что „мѣръ цѣлый“ есть „прахъ и суета“ предъ идеей правды и добра, или по крайней мѣрѣ способной оцѣнить это въ-рваніе въ любимомъ ею человѣкѣ, способной любить за это человѣка. Такую только идеальную Софью онъ и любитъ; другой ему не надобно: другую онъ отринетъ и съ разбитымъ сердцемъ пойдетъ

искать по свѣту,

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

Посмотрите съ какой глубокой психологической вѣрностью веденъ весь разговоръ Чацкаго съ Софьею въ III актѣ. Чацкій все допытывается, чѣмъ Молчалинъ его *выше* и *лучше*; онъ съ нимъ даже вступаетъ въ разговоръ, стараясь отыскать въ немъ

умъ бойкій, гени зрѣлый,

и все-таки не можетъ, не въ силахъ понять, что Софья любитъ Молчалина именно за свойства, противоположныя свойствамъ его, Чацкаго, за свойства мелочныя и пошлыя (подлыхъ чертъ Молчалина она еще не видитъ). Только убѣдившись въ этомъ, онъ покидаетъ свою мечту, но покидаетъ какъ мужъ—безповоротно, видитъ уже ясно и безтрепетно правду. Тогда онъ говоритъ ей:

Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи зрѣломъ.

Себя крушить!.. и для чего?

Вы можете его

Бранить и пеленать и посылать за дѣломъ.

И между тѣмъ есть вѣдь причина, по которой Чацкій горячо любилъ эту повидимому столь ничтожную и мелочную натуру. Что

это въ немъ такое было? Не одни же воспоминанія дѣтства, а причины болѣе важныя, по крайней-мѣрѣ хоть фізіологическія. Притомъ же это фактъ вовсе не единственный въ томъ странномъ, ироническомъ круговоротѣ, который называется жизнью. Люди подобные Чацкому нерѣдко любятъ такихъ мелочныхъ и ничтожныхъ женщинъ, какъ Софья. Даже можно сказать—по большей части любить такъ. Это не парадоксъ. Они встрѣчаются иногда съ женщинами вполнѣ честными, вполнѣ способными понять ихъ, раздѣлить ихъ стремленія — и не удовлетворяются ими. Софьи — нѣчто роковое, неизбѣжное въ ихъ жизни, такое роковое и неизбѣжное, что ради *этого* они пренебрегаютъ честными и сердечными женщинами...

Невольно приходитъ вопросъ: дѣйствительно ли ничтожна и мелочна Софья?

Пожалуй да, и пожалуй нѣтъ.

Есть два типа женщинъ. Однѣ созданы всѣ изъ способности къ самоотверженной, употреблю даже слово—„собачьей“ привязанности. Въ лучшихъ изъ нихъ способность эта переходитъ въ сферы высшія—въ способность привязанности къ *идеалу* добра и правды; въ менѣе одаренныхъ доходитъ до полнѣйшаго рабства передъ любимымъ человѣкомъ. Лучшія изъ нихъ могутъ быть очень энергичны. Сама природа снабжаетъ такихъ женщинъ энергическою, часто рѣзкою красотою, величавостію движеній и проч.

Въ противоположность имъ, другія созданы всѣ изъ граціозной, скажу ради контраста—„кошачьей“ гибкости, неподдающейся никогда вполнѣ тяготѣнію надъ собою другой, хотя бы и любимой личности. Мудренѣе и сложнѣе требованія ихъ натуры, чѣмъ требованія натуры первыхъ. Сообразно обстановкѣ и настройству умственному и нравственному, изъ нихъ выходятъ или Дездемоны, или Софьи. Но прежде чѣмъ осудить Софью, взгляните хорошенько на Дездемону. Вѣдь прихоть, положимъ возвышенная, повлекла ее къ весьма немолодому мавру; вѣдь основою ея характера, несмотря на всю ея чистоту, остается все-таки легкомысліе. Въ такихъ женщинахъ есть сила слабости и гибкости, влекущая къ себѣ неодолимо мужскую энергію. Онѣ сами сознаютъ смутно и свою слабость, и силу своей слабости. Онѣ чувствуютъ, что имъ нужна нравственная поддержка, имъ какъ лианамъ надобно обвиваться вокругъ могучихъ дубовъ, — но „прихоть“, самопроизволь управляетъ ихъ движеніями душевными. Припомните, что Шекс-

пирь возводить эту прихоть до чудовищнаго увлеченія Титанія господиномъ съ ослиною головою.

Дездемона, по окружавшей ее обстановкѣ, грандіозной и поэтической, увидала свою поддержку въ борцѣ, въ мужѣ силы; по „прихоти“ влюбилась не въ кого-либо изъ красивыхъ и знатныхъ мужей въ Венеціи, а въ мавра Отелло.

Я не хочу проводить парадоксальной параллели между Дездемоной и Софьею Павловной. Онѣ такъ же далеки другъ отъ друга, какъ трагическое и комическое, но принадлежатъ къ одному и тому же типу. Софья Павловна насмотрѣлась кругомъ себя на слишкомъ много мерзостей, свыклась съ хамскими понятіями, всосала въ себя ихъ съ молокомъ. Ей не дико видѣть себѣ нравственную опору въ человѣкѣ практическомъ, умѣющемъ вращаться въ этой средѣ и могущемъ ловко овладѣть современемъ этою средою. Чацкій ей чуждъ и постоянно представляется ей сумасшедшимъ, тогда какъ Отелло для Дездемоны вовсе не чуждъ,—только что мавръ, а то такой же, какъ многіе доблестные венеціанцы. Софья Молчалинъ неизвѣстенъ съ его подлыхъ сторонъ, ибо его низкопоклонничество, смиреніе, терпѣніе и аккуратность она считаетъ—вѣдь она дочка Фамусова и внучка знаменитаго Максима Петровича, умѣвшаго такъ ловко стукнуться затылкомъ—она считаетъ, говорю я не шутя, такими же добродѣтелями, какъ венеціанка Дездемона высокую честность и доблесть мавра. Потому же вѣдь Молчалинъ уменъ умомъ его сферы. Подлый это умъ, правда, да она не понимаетъ, что такое подлость. Вотъ, когда она поняла его подлость, испытала по отношенію къ самой себѣ всю шаткость того, что она думала избрать своей нравственной поддержкой, всю невыгоду для себя этой угодительности всѣмъ, даже

Собака дворника, чтобъ ласкова была,

услыхала по отношенію къ себѣ халуйско-циническое выраженіе:

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали,

она просыпается... и до истинно-трагической красоты бывала иногда хороша Вѣра Самойлова въ минуту этого пробужденія!..

Чацкій поэтому несправедливъ, говоря, что ей нуженъ былъ

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга;

онъ только въ раздраженіи бѣшенства можетъ смѣшать ее съ мо-

сковской барыней Натальей Дмитриевной, у которой действительно такой московский идеалъ мужа. Но у него сердце разбито—

Othello's occupation is gone!.. 1)

Для него вся жизнь подорвана—и ему, борцу совѣмъ разрознившемуся съ этою средою, не понять, что Софья вполнѣ дитя этой среды. Онъ такъ упорно вѣрилъ, такъ долго вѣрилъ въ свой идеалъ!..

Вы, господа, считающіе Чацкаго Донъ-Кихотомъ, напираете въ особенности на монологъ, которымъ кончается третье дѣйствіе. Но во-первыхъ, самъ поэтъ поставилъ здѣсь своего героя въ комическое положеніе, и оставаясь вѣрнымъ высокой психологической задачѣ, показалъ, какой комическій исходъ можетъ принять энергія несвоевременная; а во-вторыхъ, опять-таки вы должно быть не вдумались въ то, какъ любятъ люди съ задатками даже какой-нибудь нравственной энергіи. Все, что говоритъ онъ въ этомъ монологѣ, онъ говоритъ для Софьи; всѣ силы души онъ собираетъ, всею натурою своей хочетъ раскрыться, все хочетъ передать ей разомъ,—какъ въ „Доходномъ мѣстѣ“ Жадовъ своей Полинѣ въ послѣднія минуты своей, хотя и слабой (по его натурѣ), но благородной борьбы. Тутъ сказывается послѣдняя вѣра Чацкаго въ натуру Софьи (какъ у Жадова, напротивъ, послѣдняя вѣра въ силу и дѣйствіе того, что считаетъ онъ своимъ убѣжденіемъ); тутъ для Чацкаго вопросъ о жизни или смерти цѣлой половины его нравственнаго бытія. Что этотъ личный вопросъ слился съ общественнымъ вопросомъ,—это опять-таки вѣрно натурѣ героя, который является единственнымъ типомъ нравственной и мужеской борьбы въ той сферѣ жизни, которую избралъ поэтъ, единственнымъ до сихъ поръ даже человѣкомъ съ плотію и кровію, посреди всѣхъ этихъ князей Чельскихъ, графовъ Воротынскихъ и другихъ господъ, расхаживающихъ съ англійскою важностью по мечтательному міру нашей великосвѣтской литературы.

Да, Чацкій есть—повторяю опять—нашъ единственный герой, т.-е. единственно положительно борющійся въ той средѣ, куда судьба и страсть его бросили. Другой отрицательно борющійся герой нашъ явился развѣ еще въ неполномъ художественно, но глубоко прочувствованномъ образѣ Бельтова, который четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ не дослужилъ до пряжки.

1) Въ подлинникъ: „Othello's occupation 's gone!“ (act III, sc. 3); въ переводѣ Вейнберга: „Свершился путь Огелло!“

Я сказалъ: „развѣ еще“, потому что Бельтовъ—по крайней мѣрѣ, какъ онъ является передъ нами въ романѣ—гораздо жиже Чацкаго, хотя въ свою очередь несравненно гуще Рудина. И Чацкій и Бельтовъ—падаютъ въ борьбѣ не отъ недостатка твердости собственныхъ силъ, а рѣшительно отъ того, что ихъ перемогаетъ громадная, окружающая ихъ тина, отъ которой остается только бѣжать

искать по свѣту,

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

Въ этомъ между ними сходство. Различіе—въ эпохахъ.

Чацкій, кромѣ общаго своего героическаго значенія, имѣетъ еще значеніе историческое. Онъ—порожденіе первой четверти русскаго XIX столѣтія, прямой сынъ и наслѣдникъ Новиковыхъ и Радищевыхъ, товарищъ людей

вѣчной памяти двѣнадцатаго года,

могущественная, еще глубоко вѣрующая въ себя и потому упрямая сила, готовая погибнуть въ столкновеніи съ средою, погибнуть хоть бы изъ-за того, чтобы оставить по себѣ „страницу въ исторіи“... Ему нѣтъ дѣла до того, что среда, съ которой онъ борется, положительно неспособна не только понять его, по даже и отнестись къ нему серьезно.

Зато Грибоѣдову, какъ великому поэту есть до этого дѣло. Недаромъ назвалъ онъ свою драму комедію.

Кругомъ Чацкаго, человѣка дѣла, кромѣ среды застоя есть еще множество людей подобныхъ Репетилову, для которыхъ дѣло—„слова, слова“, и которыхъ между прочимъ тянетъ къ себѣ блестящая сторона дѣла.

Несмотря на то, что Репетиловъ является только въ концѣ, въ сценѣ разѣзда,—онъ, послѣ Чацкаго, вмѣстѣ съ Фамусовымъ и Софьей—одно изъ главныхъ лицъ комедіи.

Въ новомъ полномъ изданіи „Горя отъ ума“ онъ теперь для всѣхъ мечется въ глаза своей комической рельефностью, своимъ рассказомъ о „секретнѣйшемъ союзѣ“ по четвергамъ въ клубѣ, своею важностью передъ Загорѣцкимъ послѣ того, какъ онъ поговорилъ съ Чацкимъ и считаетъ себя вправѣ выразиться: „онъ неглушь“,—о немъ, настоящемъ человѣкѣ дѣла; онъ мечется въ глаза, наконецъ, своимъ либеральнымъ азартомъ, простирающимся до желаній „радикальнаго лѣкарства“. Репетилова нельзя играть такъ, какъ играютъ его вообще наши артисты—какимъ-то пья-

нымъ, сладкимъ и распустившимся бариномъ. У Репетилова, какъ у одного изъ его идеаловъ,

Глаза въ крови, лицо горить...

онъ восторгается до изступленнаго паэоса тѣмъ, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.

Онъ наговариваетъ на себя множество вещей, вслѣдствіе которыхъ „есть отчего въ отчаянье придти“, по выраженію Чацкаго— не по пустотѣ одной, а потому, что его разгоряченное воображеніе полно самыми дикими идеалами. Онъ вѣдь человѣкъ хоть по наслышкѣ образованный: онъ о безобразномъ развратѣ Мирабо слыхалъ,—но тѣмъ-то и комиченъ этотъ ярый Мирабо, что онъ смиряется какъ разъ же передъ Анфисой Ниловой... Да и одинъ ли онъ такъ бы смирился! Развѣ всѣ его идеалы, развѣ и князь Григорій, и Удушьевъ, и даже Воркуловъ Евдокимъ не смирились бы точно такъ же? Не смирился бы, можетъ быть, только „ночной разбойникъ, дуэлистъ“,—да и то потому, что онъ уже

Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,

потому что онъ отпѣтый сорванецъ и притомъ сорванецъ удалой, въ противоположность сорванцу трусливому—Загорѣцкому.

Да и какъ не смириться? Вѣдь Анфиса Нилова—это сила, и притомъ сознающая сама себя силою. Она „спорить голосиста“, ибо увѣрена въ томъ, что не въ пустомъ пространствѣ исчезнетъ ея голосъ, что передъ этимъ голосомъ смирится даже Фамусовъ, что она имѣетъ право назвать трехсаженнымъ удалцомъ даже полковника Скалозуба. Вѣдь она, эта Анфиса Нилова—Москва, вся Москва; она своего рода „мужикъ-горланъ“; она въ иныхъ случаяхъ, пожалуй, оппозиція, хотя, конечно, оппозиція такого же свойства, какую рисуетъ Фамусовъ, рассказывая съ умиленіемъ о старичкахъ, которые

Прямые канцлеры въ отставку по уму...

и съ убѣжденіемъ заключая свой рассказъ словами:

Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло...

Какъ же не смириться передъ Анфисой Ниловой имъ всѣмъ, пустымъ крикунамъ, которымъ Чацкій говорить:

Шумите вы—и только!

Вѣдь Анфиса Ниловна всѣхъ ихъ знаетъ насквозь и, я думаю, въ состояніи даже и отпѣтому сорванцу читать наставленія.

Что же, спрашивается, остается дѣлать *человѣку*, если онъ не разбить и не подорванъ, какъ Гамлетъ, если въ немъ кипятъ силы, если онъ человѣкъ, въ этой темной средѣ? Вѣдь это миеические острова, на которыхъ растетъ „трынь-трава“; вѣдь тутъ заправляетъ жизнью Анфиса Ниловна, тутъ женщина видитъ свой идеалъ въ Молчалинѣ, тутъ Загорѣцкій является совершенно смѣло! и свободно, тутъ Фамусовъ на-махъ подписываетъ бумаги!..

Темный, грязный міръ тины, въ которомъ герой или гибнетъ трагически, или попадаетъ въ комическое положеніе!

Покойный Добролюбовъ окрестилъ именемъ „темнаго царства“ міръ, изображаемый Островскимъ. Но собственно темный міръ, т.-е. міръ безъ свѣта, безъ нравственныхъ корней, Островскій изображаетъ только въ одной изъ своихъ драмъ,—въ „Доходномъ мѣстѣ“. Передъ какимъ-то всѣми признаваемымъ, хотя и темнымъ нравственнымъ началомъ смиряется въ трагическую минуту Бельтовъ; какія-то начала возстановляетъ пьяница Любимъ; какимъ-то началомъ подчиняется страсть въ Митѣ и Любви Гордѣевнѣ; передъ какими-то началами отрезвляется—положимъ, хоть до новой Груши и до новой масляницы—Петръ Ильичъ: вѣдь даже Дикова можно прошибить этими общими для всѣхъ, хоть и формально только общими началами. Но чѣмъ вы прошибете теорію комфорта Кукушкиной? Чѣмъ вы прошибете спокойствіе души Юсова? Чѣмъ вы прошибете глубокое безвѣріе Вышневека?.. Однимъ только „колесомъ фортуны“!.. Тѣнь Чацкаго (это одно изъ высокихъ вдохновеній Островскаго) проходитъ передъ нами въ воспоминаніяхъ Вышневека о Любимовѣ, и жалко передъ этой тѣнью ея обмслѣвшее отраженіе—Жадовъ.
